

Д. Е. ХОРИН

*магистрант Института истории и политических наук
Тюменского государственного университета*

АНТРОПОНИМИКА ЧУВАШЕЙ ТЮМЕНСКОГО ПРИТОБОЛЬЯ

В

20-е гг. XX в. в связи с существенным увеличением численности чувашей в Тюменском (Нижнем)

Притоболье происходит их оформление в территориальном плане и формирование этнолокальной группы. Первые переселенцы несут с собой культурную традицию коренного этноса, распространяющуюся на все элементы жизненного уклада, в том числе и на стили образования имен и фамилий. Однако с течением времени под влиянием различных факторов модель имяобразования претерпевает значительные трансформации.

Современная антропонимика чувашей мало чем отличается от русской. В сфере официального общения используются личное имя, отчество и фамилия, иногда употребляются псевдонимы. В быту встречаются прозвища, но при обращении друг к другу ими не пользуются. В имяназвании чувашей выделяют два хронологических этапа — дохристианский и христианский.

До принятия христианства (в первой половине XVIII в.) чувашки были язычниками и у них были языческие имена (Тумаш, Шора, Эбрим, Ювака, Нарспи и др.) [1]. Они были включены в список «Чувашские языческие имена» В. К. Магницкого [2]. У чувашских крестьян, как и у русских, в этот период фамилий не было, функцию таковых выполняли прозвища и отчества, образованные от личных имен отца через притяжательные прилагательные. К примеру, выписка из книги переписных ясачных крестьян деревни Тегешева, Свяжского уезда 1722 г.: «...Ахтен Ахметев 88 лет. У него сын Алшей 43. У Алшея Артенева 2 сын Тоскар 2» [3].

С распространением христианства бывшие чувашки-язычники получают православные имена, в основном в соответствии с именами из православных святцев. В это время зачастую человеку давалось при

рождении языческое имя, а при крещении — православное. Однако фамилия присваивается по ранее описанному принципу. Возвращаясь к вышеприведенному примеру, уже в 1762 г., согласно ревизской сказке: «...Тоскар Ахшеев по крещении Лука Иванов. Его сын Михайло Лукин» [4]. Повсеместно наблюдается адаптация православных имен к диалекту чувашей. В частности, Иван — Ванюк, Мария — Маруш, Кирилл — Кирук [5] и т. д.

Нередко в официальных документах XIX в. вместе с именем указывается прозвище либо родовая фамилия (тавраш). Магницкий приводит документ переписки: «1802 года, декабря 1 дня. Казанской губернии, Ядринского уезда, Шуматовской волости, нижеписанныхъ селеній ясашные исчувашъ крещенные, а именно: Села Николскаго, Шуматово — тожь: мирской начальникъ Семень васильев, редовые: Петръ васильевъ лебеть, Антонъ васильевъ вязяк, Тимофей Петровъ отмендей, Николай ивановъ хорстеевъ, Сидоръ Николаевъ, Петръ Семеновъ отъласовъ...» [6].

Стиль образования прозвищ весьма интересен. По данным исследователей, прозвище могло выступать:

1. В качестве родовой фамилии, образованной от имени и прозвища зачинателей рода. Например, Хозандай, Шошкар, Вязяк, Алды, Саер и проч. Магницкий насчитал 173 родовые фамилии, вошедшие в список «Чувашские языческие имена» [7].

2. В качестве старых чувашских родовых тотемных имен, образованных чаще всего от названий птиц, зверей: Зайцев (Мулгачев), Волков (Кашкаров), Грачев (Кураков) и т. д.

3. В качестве указания на физическое отличие (Хирлэ — рыжий), физический недуг (Чальш — кособокий), род занятий (Садань — плетень. Человек занимался изготовлением плетней).

4. В качестве оберега. В семье, где умирало несколько детей, новорожденному ребенку давали наряду с именем еще и прозвище (Скворец, Галка, Медведь), дабы обмануть или запугать смерть [8].

У чувашей — переселенцев Нижнетавдинского района Тюменской области, как у носителей культуры основного этноса, образование имен и фамилий происходит аналогичным образом.

Фамилии чувашских семей сел Тюменского Притоболья: Канаш, Белая Дуброва и деревни Малый Хутор Нижнетавдинского района

представлены следующими номинативами: Александровы, Анисимовы, Арсентьевы, Архиповы, Беляевы, Васильевы, Воробьевы, Галкины, Грачевы, Григорьевы, Дятловы, Дмитриевы, Даниловы, Егоровы, Жарковы, Зайцевы, Ивановы, Козловы, Кузьмины, Кушниковы, Макаровы, Марковы, Мельниковы, Мерзляковы, Павловы, Пименовы, Рыжовы, Терентьевы, Федоровы, Ячменевы [9].

Большинство фамилий было образовано от личных имен отца. К примеру, Константинов Арсентий Константинович. Перебрался из деревни Мун-Ялы Вурнарского района в 1927 г. Его отца звали Константин Музилов. Его дети носили фамилию Арсентьев: Арсентьев Илья Арсентьевич, Арсентьев Арсентий Арсеньевич, Арсентьев Иван Константинович, Арсентева Зоя Арсентьевна. У Арсентия Константиновича был родной брат Василий Константинович, который так же из Чувашии переселился в село Канаш. Его дети носили фамилию Васильев [10].

Однако к моменту всеобщей паспортизации 1932 г. образования фамилий данным способом уже практически не происходит. Соответственно, фамилии Арсентьев, Васильев и др. закрепляются в качестве родовых фамилий и в дальнейшем не изменяются. Надо отметить, что в среде проживания основного массива этноса образование фамилий таким способом наблюдается вплоть до второй половины XX в. К примеру, Дмитриев Олег Дмитриевич, 1953 г. р., получил фамилию, образованную от имени отца Сидорова Дмитрия Алексеевича [11].

Стоит отметить, что ряд семей принимает в качестве родовых фамилий старые чувашские родовые имена, произносимые на русском языке. К 1930 г. в селе Канаш появляются Галкины, Грачевы, Воробьевы, Дятловы, Зайцевы. Любопытно, что из пяти указанных фамилий четыре образованы от названия птиц. В этих деревнях некоторым детям дают в качестве оберега именно «птичьи» прозвища. Например, Арсентьеву Илье Арсентьевичу в детстве было дано прозвище Скворец (Шӑнкӑрч). Причем племянницы так и называли его уже в 60-х гг. XX в. — дядя Скворец (Шӑнкӑрч мучи). Терентьевой было дано прозвище Ласточка. Так ее и называли, причем не только родственники, — тетя Ласточка (Чӑкеç агай) [12].

Как мы видим, в родовых фамилиях, образованных от старых родовых имен, как в Нижнетавдинском районе Тюменской области,

так и на территории проживания основного массива этноса, в весьма значительной доле присутствуют так называемые «птичьи» фамилии и «птичьи» прозвища — обереги.

Вероятно, это во многом связано с особым отношением к птицам в традиционном мировоззрении чувашей [13; 14]. Видимо, стиль выбора «птичьих» фамилий чувашами сел Нижнетавдинского района Тюменской области в какой-то степени определен в том числе и этим фактом.

С переселением в Сибирь не утратилась традиция чувашей адаптировать православные имена под свой диалект. Данная традиция сохранялась вплоть до третьей четверти XX в. В вышеуказанных деревнях Нижнетавдинского района встречаются следующие адаптированные имена: Зенон (церковное) — Семен (русское) — Щимка, Акулина — Куллине, Елизавета — Лизок, Прасковья — Праски, Наталия — Надли, Арсентий — Арзинок, Анастасия — Нащущ [15; 16; 17]. Однако с уменьшением доли говорящих на родном языке жителей, а также с более тесными межэтническими контактами данная антропонимическая особенность нивелируется.

Таким образом, на антропонимическом уровне вполне четко прослеживается общность культурных традиций этнолокальной группы чувашей Нижнетавдинского района Тюменской области и основного массива этноса на территории его проживания. Причем некоторые имяобразовательные компоненты оказались весьма устойчивы и продолжали бытовать вплоть до третьей четверти XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики. URL: http://gia.archives21.ru/novelty.aspx?id=76&s_page=2
2. Магницкий В. К. Чувашские языческие имена. Казань, 1905. С. 23–103.
3. Государственный исторический архив Чувашской Республики. URL: http://gia.archives21.ru/novelty.aspx?id=76&s_page=2
4. Там же.
5. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1994. III, 87; VIII, 199; VI, 241.
6. Магницкий В. К. Чувашские языческие имена. Казань, 1905. С. 19.
7. Там же. С. 9.
8. Салмин А. К. Система религии чувашей. СПб., 2007. С. 107.
9. Грициенко Л. И., чувашка, г. р. 1957, село Канаш, Тюменская область, Нижнетавдинский район, ПМА 2013 г.

10. Арсентьев В. И., чуваш, г. р. 1960, село Канаш, Тюменская область, Нижнетавдинский район, ПМА 2013 г.
11. Дмитриев Олег Дмитриевич, чуваш, г. р. 1953, село Верхняя Яндоба, Канашский район, Республика Чувашия.
12. Арсентьев В. И., чуваш, г. р. 1960, село Канаш, Тюменская область, Нижнетавдинский район, ПМА 2013 г.
13. Там же. С. 111–114.
14. Грачева Раиса Терентьевна, чувашка, г. р. 1930, село Сугут, Вурнарский район, Республика Чувашия. С. 22.
15. Грициенко Л. И., чувашка, г. р. 1957, село Канаш, Тюменская область, Нижнетавдинский район, ПМА 2013 г.
16. Арсентьев В. И., чуваш, г. р. 1960, село Канаш, Тюменская область, Нижнетавдинский район, ПМА 2013 г.
17. Грачева Раиса Терентьевна, чувашка, г. р. 1930, село Сугут, Вурнарский район, Республика Чувашия.

А. К. ЮРЬЕВ

*магистрант Института истории и политических наук
Тюменского государственного университета*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЮМЕНСКОГО ДОМА ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ В 1932–1937 гг.

Для развития промышленности в годы ускоренной индустриализации требовались квалифицированные кадры. На предприятиях стали работать секции технической учебы. В 1931 г. Всесоюзный центральный совет профсоюзов (ВЦСПС) проявил инициативу по созданию Домов пропаганды техники (ДПТ), в которых секции инженерно-технических работников, объединялись. 8 апреля 1932 г. был организован тюменский ДПТ им. Сталина (с 1934 г. — Дом инженерно-технических работников, или ДИТР), объединивший 32 секции инженерно-технических работников (1011 человек) [1]. Появился многопрофильный центр, где инженерно-технические и научные работники занимались повышением квалификации, рационализаторством, изобретательством, политическим образованием и посещали культурные мероприятия [2].